

I.

В моих скитаниях по Уралу мне случилось раз заехать в трактовую, но глухую деревушку Матвееву, Кунгурского уезда. Пора была летняя, жаркая, и я вперёд мечтал о том блаженном моменте, когда на почтовой станции смогу напиться чаю. Мысль по существу довольно скромная, но она заслоняла собой решительно всё. Только тот, кто по целым дням глотал накалённую трактовую пыль, поймёт это душевное состояние.

— Эвон она, Матвеева-то! — весело проговорил ямщик, когда мы поднялись на гору. — Только, значит, под горку спустимся, через реку на пароме переедем — тут тебе и самая эта Матвеева.

Дорожные ямщики любят поболтать с проезжающим, а то дурь возьмёт сидеть истуканом три-четыре часа.

Наш экипаж начал осторожно спускаться под гору. Место было глухое, лесное, но красивое дикой красотой не тронутого ещё цивилизацией далёкого угла. Глядя на такие забытые Богом и людьми веси, невольно думаешь, что ведь и тут люди

живут, у них свои заботы, огорчения, радости и надежды, и что вот эти не ведомые никому люди не променяют своего насиженного места ни на какие блага. Человек — раб привычки.

По мере спуска с горы Матвеева выступала во всём своём великолелии, то есть на другом высоком берегу обрисовывались ряды крепких изб, гумна, огороды, разная другая хозяйственная городьба. Я только сейчас заметил, что в полугоре, с правой стороны нашего спуска, в ряд вытянулись тоже избы, заметил потому, что от крайней избы с прибитой к коньку ёлочкой, заменявшей кабацкую вывеску, бежал к нам мужик, размахивал руками и кричал:

— Эй, стой, ядрёна канавушка!.. Стой, братцы!

К моему удивлению, ямщик осадил лошадей.

— Что ему нужно? — спросил я.

— Как что?.. Да это Балабурда...

Такой рекомендации было совершенно достаточно. Балабурда был легендарный человек, известный на три губернии, как сказочный богатырь. Я о нём много слышал и теперь смотрел с любопытством неисправимого туриста. Первое впечатление было не в пользу богатыря: издали он казался самым обыкновенным мужиком, рослым и сутулым, каких на Урале встретить не редкость. Почему-то все силачи отличаются сутулостью, длинными руками и особенно развитой нижней челюстью. Когда Балабурда подошёл совсем близко к экипажу, впечатление получилось другое: это был действительно богатырь, один из тех богатырей, каких рисуют только на лубочных картинках. Больше всего поражало его громадное лицо с мясистым носом и какими-то детскими серыми глазами. Одет он был по-крестьянски — в синюю пестрядёвую рубаху, такие же штаны и в чекмень из домашнего сукна. Особенный эффект производили лапти, — в Сибири и на Урале лаптей не носят по той простой причине, что нет липы. Кунгурский уезд в этом отношении представлял исключение, и, как мне показалось, именно лапти больше всего шли этому русскому деревенскому богатырю, а сапоги испортили бы впечатление.

— Здравствуй, ядрёна канавушка, — добродушно забасил Балабурда, протягивая мне свою руку.

Рука Балабурды представляла по величине что-то невероятное, и моя в ней казалась ручонкой ребёнка. Вот это так богатырь!

— Ты, Вася, вот что... — заговорил ямщик. — Того, значит... На козлы я тебя не посажу, ещё как раз грешным делом ось сломается, а ты на задке приспособься.

— Ладно, ладно, ядрёна канавушка...

Богатырь взмогился на заднюю ось, упёрся руками в спинку экипажа, и мы отправились дальше, к перевозу. Я чувствовал, как экипаж начал раскачиваться с подозрительной любезностью — вот-вот дроги лопнут.

— Эй, ты, шевели бородой, ядрёна канавушка! — покрикивал Балабурда на кучера.

Перевоз был пуст. Балабурда схватил канат и так принялся его раскачивать, что из сторожки выскочил перепуганный перевозчик.

— Васька, разбойник, да ты столбы выворотишь! — отчаянно вопил он.

— А ты не спи, ядрёна канавушка...

Пока мы переправлялись на другую сторону, перевозчик не переставал ругаться.

— Навяжется же этакое чадушко, прости Господи!.. А канат бы оборвал, тогда что?.. Одно слово — медведь...

— Ну, перестань... Будет.

— Знаем мы твои-то художества, Вася...

В голосе перевозчика послышалась уже любовная нота. Мне нравилось, что односельчане звали своего богатыря этим детским именем: Вася. Именно Вася, и больше ничего. Такого уж Бог уродил, и ничего с ним не поделаешь, а всё-таки любопытно.

Через пять минут мы были уже на станции, то есть в простой крестьянской избе, поставленной из прекрасного леса с такой крепостью, как умеют строиться только в лесных тущо-бах, где лес нипочём.

II.

— Барин, а ведь мы про водку-то и забыли, ядрёна канавушка! — заявил Балабурда, входя за мной в избу.

— Как же быть?

— А я живой рукой оберну... Рукой подать до кабака-то.

Балабурда взял деньги и трусцой полетел под гору, к перевозу.

— Эко, как водка-то человека гонит, — наставительно заметил седой старик, содержащий разгон*.

— Ох, грехи наши тяжкие!..

— А что он делает у вас, Балабурда? — спросил я.

— Да что ему делать-то? Ничего не делает... Сидит день-деньской в кабаке и дожидается проезжающего. Ну, господам любопытно, сейчас ему водки... На, пей. Только и всего ремесла. По вёснам на сплав уходит на Чусовую. Ну, там что зарабатывает, то и пропёт. Главная у него ошибка выходит, когда он

---

* Разгон — почтовая станция для смены лошадей.

в Пермь попадёт... Тут уж ему лафа, потому как купцы до полу-смерти запоят. Так из кабака в кабак и ходит с месяц, поколь всякий образ не потеряет. Значит, пора домой... И удивительные эти самые городские купцы: водкой хоть обливайся, а чтобы настоящего — ну, там, из одёжи что али деньгами — ни-ни. Конечно, Вася слабый человек и придёт с работы в чём ушёл.

— Жена у него есть?

— Как же, есть...

— Такая же большая?

— Нет, совсем обыкновенная бабёнка.

— А дети?

— Ну, детьми Господь миловал... Куда им с детьми? Жена же и кормит Васю, а он только попашет да покосит... Какие уж тут дети?

Весь репертуар жизни богатыря Васи был налицо. Мне было грустно думать, что этой громадной силе не нашлось другого приложения, как пропадать по кабакам и утешать пьяных купцов. И обидно, и жаль, и ничего не поделаешь. Вся беда Васи заключалась в том, что он родился немного поздно, а родился он лет пятьсот назад — наверное, попал бы в цикл былинных богатырей. В самом деле, все эти Ильи Муромцы, Микулы Селяниновичи и остальная богатырская братия кажутся вымыслом народной фантазии и достоянием разных хрестоматий и академических изданий, а тут налицо живой былинный богатырь, которому, как настоящему русскому богатырю, и деваться-то некуда со своей силушкой богатырской. В своём роде тоже лишний человек...

— А отец у него какой из себя?

— Отец и мать обыкновенные, а вот сестра была — так дерево деревом, вся в братца родного... Так уж Божецкое произволение. Сперва-то Вася жил справно, как следует хрестьянину, ну а потом, как попал на сплавы да в Пермь, ну и потерял себя. В Питер ведь его возили, да, сказывают, рылом не вышел и спина горбом — там прямых человек надобно.

Хорошо, что Балабурда не попал к какому-нибудь антрепренёру, который повёз бы этого богатыря по всем европейским городам, как диковинку. Я лично не могу видеть этого живого товара, который выставляется по балаганам и циркам. Пусть уж лучше сидит у себя в матвеевском кабаке и выжидает проезжающих.

Балабурда явился с водкой, когда самовар был уже на столе. Он с какой-то жадностью выпил первый стакан.

— Ты бы, Вася, дал отдохнуть вину-то, — укоризненно заметил ворчливый старик-хозяин. — Всё одно, всей водки не перепьёшь...

Богатырь только покрутил своей кудрявой русой головой. Эх, дескать, уж что тут говорить!.. В одной рубаше и без шапки он казался ещё больше, и жаль, что не было художника, который мог бы его срисовать для какой-нибудь картины из богатырского эпоса. Пока я пил чай, Балабурда успел выпить всю водку и как-то сразу захмелел. Глаза сделались мутные, он весь как-то осунулся и тяжело дышал.

— Ах, ядрёна канавушка!..— бессмысленно повторял он свою поговорку.— Ещё бы, барин, а?

— Довольно, Василий...

— И то довольно... Ну её, эту самую водку! Плевать мне на неё...

— Да тебя, идола, разве напоишь? — ворчал старик.— Другому, правильному человеку, водка впрок, а в тебя как в прорву...

Лошади уже были заложены, и новый ямщик, сын хозяина, лихо выкатил на улицу. Мы вышли. Балабурда, покачиваясь, счёл своим долгом проводить меня. Он сильно пошатывался и бормотал что-то бессвязное. Когда я уже сидел в экипаже, подошли двое парней с балалайкой. Завидев пьяного Балабурду, парень с балалайкой заиграл плясовую. Богатырь повёл могучими плечами и пустился плясать, грузно притоптывая своими крестьянскими лапотками. На меня эта картина произвела ещё более грустное впечатление.

— Эх, ты! да эх, ты!..— выкрикивал Балабурда, размахивая своими длинными руками, и потом хрипло запел:

Я без пряничка не сяду,
Без орешка не ступлю...

Глядевший в окно старик только качал строго головой и наставительно повторял:

— Винцо пляшет, винцо песенки поёт...

Когда экипаж тронулся, Балабурда ринулся за нами и крикнул:

— Эй, барин, ежели выворотиться, так я, значит, завсегда там... в кабаке!..

III.

Дорогой мы разговорились с ямщиком. Это был молодой парень с настоящей ямщицкой хваткой. От него так и веяло молодой удалью. Когда застоявшиеся лошади прошлись, он повернулся ко мне и заговорил:

— И что это старикам Вася дался?.. Поедом едят. А разве кому он зло делает, кроме себя? Мухи не пошевелит — вот

какой человек он есть... К вину действительно припадошен, так это опять же его дело. Жаль, конечно, а так хороший мужик.

— Как он на сплав попал?

— Опять не его причина... Мы тут занимаемся рубкой леса, ну, из казённой дачи, скажем, воруем да по своей реке сплаваем. Хорошо. Только наезжает главный лесничий по зиме. Обьездчик везёт его по лесу. Глядят: дерево срублено, а конного следу нет. А это Вася срубил бревно, на плечо, да и волокёт... Ох, здоров он, барин! Ну, лесничий-то вызвал его, подивился и даже протоколу не составил. А потом взял да увёз на пристань, как диковинку. Ну, там Вася ещё в лучшем виде себя показал. Знаешь чугунные бабы, которыми сваи забивают? В каждой верхних двадцать пудов будет. Ну, бурлачки две таких-то бабы и тащили из амбара на барку. Галдят, орут, замаялись... Вася посмотрел-посмотрел да и говорит: «Ну-ко я вам помогу, братцы!» Взял одну бабу одной рукой, другую другой да и унёс на барку, точно два пуда. Тут уж его и вызнали, каков таков есть Балабурда... Тут уж ему честь пошла и от караванного, и от лесничего, и от бурлаков, потому как всем любопытно.

— А Балабурда — это фамилия или прозвище?

— Да так все говорят: Балабурда да Балабурда. Значит, сызмальства, когда ещё ребята придумали. А сам-то Василий это не любит... Вот, поди ты, не ндравится слово. Как-то у нас в Матвеевой пристал к нему пьяный мужичонко. Жужжит около него мухой: «Балабурда, Балабурда». Ведь озлил-таки Васю... Сначала всё глядел на мужичонка, а потом взял с него шапку, вышел из кабака, одной рукой поднял три венца, значит три верхних ряда брёвен, вместе с крышей, да в паз и засунул шапку. На, получай... Потом-то чуть не всей деревней выстреливали эти самые три венца и едва шапку добыли. В другой раз так же вот к Васе пьяный чиновник в Перми привязался на рынке. Терпел он, терпел, а потом, как котёнка, поднял одной рукой за шиворот, плюнул ему в морду и бросил в грязь. Невероятная в нём сила, барин, и ежели бы при такой силе да злость, так всю деревню по брёвнышку разнёс бы. Смирен, уж нечего сказать... На барках он за шестерых управляется.

В Матвеевой я был потом лет через семь. Оказалось, что былинный богатырь приказал долго жить. Отчего он умер — я не мог добраться, но вернее всего — от того зелена вина, от которого извелось так много на Руси богатырей.